

Джеффри Ротшильд

ДАРУЮЩИЙ
СВЕТ

Джеффри Ротшильд

**Дарующий свет. Биография д-
ра Джавада Нурбахша, главы
суфийского братства ниматуллахи**

«ИД Ганга»

УДК 86
ББК 281

Ротшильд Д.

Дарующий свет. Биография д-ра Джавада Нурбахша, главы суфийского братства ниматуллахи / Д. Ротшильд — «ИД Ганга»,

ISBN 978-5-6040003-4-2

Существует множество жизнеописаний выдающихся суфиев прошлого, но мало что можно прочитать о современном суфийском мастере, которому приходилось иметь дело с проблемами XX века. В этой книге как раз предпринята попытка рассказать о ранних годах жизни д-ра Джавада Нурбахша, который был главой суфийского братства ниматуллахи в течение 55 лет. Воссоздавая основные моменты его жизни, эта книга рассказывает о характере д-ра Нурбахша и фактах его биографии, недоступных ни из каких других источников. В конце книги приводится интервью, взятое автором в декабре 1997 года. В нем Джавад Нурбахш касается широкого круга вопросов, начиная от отношения суфизма и ислама и заканчивая природой смерти. На ряд вопросов д-р Нурбахш никогда не отвечал прежде. Помимо этого в книгу включены избранные стихотворения Джавада Нурбахша и глоссарий суфийских терминов. Автор книги – один из дервишей братства.

УДК 86
ББК 281

ISBN 978-5-6040003-4-2

© Ротшильд Д.
© ИД Ганга

Содержание

Узнавший Бога	6
Выражения признательности	7
Вступление	8
1	12
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джеффри Ротшильд
Дарующий свет. Биография д-
ра Джавада Нурбахша, главы
суфийского братства ниматуллахи

Jeffrey Rothschild

BESTOWER OF LIGHT

Перевод с английского: Алексей Орлов

Перевод стихов из Дивана: Алексей Шелаев, Леонид Тираспольский

© «Риэлетивеб», перевод, 2017

© ООО ИД «Ганга», 2018

Узнавший Бога

Узнавший Бога о себе не помнит,
Над ним не властны прошлого влеченья,
Он – пациент Врача, и он не дрогнет,
Приемля жизни горькое лечение.

Узнавший Бога не творит кумира
Из личных чувств и мыслей, он готов
Отдать легко богатство мира
За миг свободы, что дарует Бог.

Узнавший Бога – капля океана,
И зная, что исчезнет в должный срок,
Стремится он к тому, что постоянно,
А постоянен в мире только Бог.

Узнавший Бога пьет вино забвенья —
Ни споров, ни различий больше нет,
И в тысячах зеркальных отражений
Находит он Того, кто дарит свет.¹

Джавад Нурбахш
Перевод Б. Тираспольского

¹ Имя автора, Нурбахш, в переводе с персидского означает «дарующий свет», «светодар».

Выражения признательности

Хотя книги пишутся, как правило, в одиночестве, почти всегда есть люди, без участия которых книга не вышла бы в свет.

Прежде всего, я должен выразить благодарность самому д-ру Нурбахшу, перед которым я в неоплатном долгу. Без его благословения я бы никогда не отважился на этот труд. Если бы не его готовность потратить много часов, отвечая на мои вопросы, я потерпел бы неудачу. Его содействие было просто неоценимым.

Далее я хотел бы поблагодарить Алирезу Нурбахша, редактора журнала «Суфий», помогавшего мне на протяжении всей работы над книгой и при ее публикации; Симу Джонстон, которая выступала в роли переводчика во время наших бесед с д-ром Нурбахшем (за исключением последнего интервью), свою задачу она выполняла столь успешно, что мне часто казалось, будто я разговариваю непосредственно с мастером; Пола Вебера, который помог мне подготовить вопросы для этих интервью и отредактировать книгу; и Луэллина Смита, который ознакомился с начальными версиями рукописи и внес ценные предложения по их правке.

Я также должен выразить свою глубокую признательность Али А. Мазхари, автору биографии д-ра Нурбахша на персидском языке (которая была опубликована в Лондоне много лет назад издательством *Khanaqahi-Nimatullahi Publications*), я использовал ее материал в своей книге. Без работы г-на Мазхари с его глубоким знанием деталей биографии д-ра Нурбахша я вряд ли преуспел бы в решении своей задачи.

И наконец, есть еще один человек, которому я должен выразить свою признательность. Когда после нашего последнего интервью я уже поднялся, чтобы уйти, д-р Нурбахш вновь усадил меня и продиктовал последнее выражение благодарности, которое он попросил меня поместить в книге – просьба, которую я с радостью исполняю:

Большой частью того, чего я достиг в своей жизни суфия, я обязан моей жене, Парвине Данешвар, дочери д-ра Абдуллы Данешвара, моей верной спутнице, достойно воспитавшей наших детей. Вот почему для меня так важно искренне поблагодарить ее.

Вступление

Книга, которая лежит перед вами, – не научная и объективная биография Джавада Нурбахша.

Будучи учеником д-ра Нурбахша на протяжении 20 лет, я не смог бы написать подобную книгу. Вместо этого я попытался дать живое описание ключевых событий в жизни д-ра Нурбахша, чтобы читатель сам мог составить представление о нем. Добавляя кое-где художественные детали, я, тем не менее, стремился точно следовать фактам. Более того, все цитаты из книг и документов, включенные в текст, выверены по первоисточникам.

Следует заметить, что это и не полное жизнеописание. Книга завершается в тот момент, когда д-р Нурбахш становится главой суфийского братства ниматуллахи – в то время ему было двадцать шесть лет. Мое решение осветить именно этот период его жизни вызвано боязнью скорой утраты сведений о нем (что вряд ли грозит информации о последующем периоде его жизни). Уже нет в живых многих из тех, кто описан в этой книге, а многие источники, на которые опирается ее материал, ныне стали недоступными. Поэтому в первую очередь я стремился запечатлеть те факты, которые наиболее уязвимы перед неумолимым ходом времени.

Такой подход, однако, вывел за рамки книги многие крайне важные начинания д-ра Нурбахша, относящиеся к его деятельности в качестве мастера братства. Например, в тот момент, когда к нему перешли бразды правления братством, существовало лишь три ханаки – в Тегеране, Керманшахе и Мешхеде. За два последующих десятилетия в Иране было построено семьдесят ханак ниматуллахи – во всех крупных городах и многих небольших. Число дервишей братства выросло с нескольких сотен до многих тысяч человек.

В сооружении ханак ему помогал Машаллах Никтаб, ученик, посвященный в братство вскоре после того, как д-р Нурбахш стал мастером. Ему было за сорок, в течение двадцати лет он искал духовного наставника и наконец услышал о д-ре Нурбахше. Он приехал к нему в г. Бам, где тот жил в то время, и после четырехчасовой беседы с мастером принял посвящение. С этого времени вся его жизнь была посвящена братству. Первым заданием, которое возложил на него мастер, была поездка в Керман для восстановления ханаки шейха Камал ад-дина Нурбахша, отдаленного предка мастера. Джавад дал себе обещание сделать это еще в юности (о чем упоминается далее в книге). В дальнейшем Машаллах Никтаб руководил строительством практически всех ханак братства в Иране. В одном из своих интервью д-р Нурбахш сказал: «Все тяготы и труды по сооружению ханак принял на свои плечи г-н Никтаб».

В течение этого же двадцатилетнего периода мастер отдал много сил издательству *Khanaqahi Nimatullahi Publications (Энмешарат-е Ханагах Нематоллахи)* в Тегеране, которое до этого выпустило лишь небольшое количество книг. Под его руководством было опубликовано более ста трудов по суфизму на персидском языке (большинство из них подготовлены к печати либо написаны самим д-ром Нурбахшем), включая труды Шаха Ниматуллы², которые до этого существовали лишь в рукописном виде.

Д-р Нурбахш значительно расширил библиотеку при издательстве, размещавшуюся в тегеранской ханаке, – теперь она включала в себя подлинники рукописных трактатов по суфизму, собрания суфийской поэзии, написанной выдающимися арабскими и персидскими поэтами прошлого, исторические документы и письма, имеющие отношение к суфизму. Впоследствии библиотека была размещена в одном из зданий большого комплекса, который в течение нескольких лет был возведен д-ром Нурбахшем на месте прежней тегеранской ханаки.

Несмотря на многочисленные обязанности по отношению к братству, д-р Нурбахш принимал участие и в мирской жизни. Его любимым предметом на медицинском факультете была

² Шах Ниматулла Вали основал братство ниматуллахи в XIV веке. – Примеч. перев.

психиатрия, и после смерти своего мастера, Муниса Али Шаха, он решил вновь вернуться в Тегеранский университет, чтобы специализироваться в этой области, одновременно работая ассистентом психиатра в Тегеранской больнице Рузбеха, чтобы получить практические навыки.

Завершив специализацию по психиатрии в университете, он занял должность доцента по психиатрии на медицинском факультете. В то время, чтобы получить должность профессора, необходимо было пройти стажировку в одном из западных университетов. Для выбора кандидата на такое обучение был организован специальный экзамен, на котором д-р Нурбахш получил высшие баллы. Вслед за этим французское консульство в Иране предложило ему стипендию на обучение в Парижском университете, где он и получил диплом адъюнкта для иностранцев.

В Париже д-р Нурбахш установил дружеские контакты с некоторыми ведущими западными учеными, изучавшими суфизм. Наиболее известный среди них, профессор Анри Корбэн, в 1963 г. пригласил его выступить в Сорбонне с лекцией о суфизме. Это выступление стало для западных слушателей одним из первых контактов с живой традицией суфизма. Текст этой лекции впоследствии был опубликован в качестве вступительного эссе в первой книге д-ра Нурбахша на английском языке: *In the Tavern of Ruin: Seven Essays on Sufism*³. Четыре года спустя д-р Нурбахш выступил с новой лекцией о суфизме на конференции, посвященной теме единства религий, проводимой Американским университетом в Бейруте (текст этого выступления опубликован в качестве 1-й главы в его второй англоязычной книге *In the Paradise of the Sufis*⁴).

Завершив обучение во Франции и вернувшись в Иран, д-р Нурбахш занял должность доцента Тегеранского университета, а через несколько лет – профессора на факультете психиатрии. Впоследствии он был назначен заведующим кафедрой психиатрии. Кроме того, он возобновил работу в больнице Рузбеха и со временем стал ее директором.

На этой должности он руководил постройкой дополнительных корпусов больницы и расширил ее возможности, включив, например, здание с современным конференц-залом, который впоследствии был избран местом проведения международной конференции по психиатрии. Помимо того, что он возглавлял Общество психиатров в Иране, д-р Нурбахш был автором и редактором целого ряда научных работ по психиатрии, большая часть которых опубликована на персидском языке в изданиях Тегеранского университета, а некоторые – в научных западных журналах, таких как *Journal of Psychological Health* и *Journal of General Medicine*. В этот же период он занимался и частной практикой как психиатр в клинике, которую он открыл при Тегеранской ханаке, – лечил пациентов, которые не имели средств, чтобы заплатить за услуги психиатра.

Возможно, наиболее значительное достижение д-ра Нурбахша – это та роль, которую он сыграл в распространении персидского суфизма за пределами Ирана и особенно на Западе. С XV века, когда братство ниматуллахи на три столетия переместилось из Ирана в Индию, в Деккан, оно не перешагивало границ Ирана. В начале 1970-х гг. д-ру Нурбахшу представили нескольких молодых американцев, находившихся в Иране. Почувствовав к нему сильное духовное притяжение, они попросили о посвящении в братство. Д-р Нурбахш в конце концов пошел им навстречу. Это событие подвигнуло мастера основать первую ханаку ниматуллахи на Западе. Она была открыта в 1974 г. в большом доме в центре Лондона. В 1975 г. мастер в первый раз отправился в Америку и пересек весь континент на автомобиле, посвящая в братство американцев и иранцев, живущих в разных городах страны.

В следующем году мастер ввиду роста числа учеников в США решает послать туда г-на Никтаба в качестве своего представителя (тот был в то время шейхом ханакы в Ширазе),

³ На русском яз.: Дж. Нурбахш. *Тaverna среди руин. Семь эссе о суфизме*. М.: пять изданий – 1992, 1993, 1995, 1997, 1999.

⁴ На рус. языке: Дж. Нурбахш. *Рай суфиев*. М.: 1995.

чтобы выяснить возможности основания ханак в Америке. Посмотрев разные места, г-н Никтаб получил разрешение основать первую американскую ханаку в Сан-Франциско.

Год спустя открылась ханака в Нью-Йорке, в здании, которое до этого использовалось в качестве автостоянки. После перестройки здание приобрело вид ханаки в персидском стиле.

В последующие годы д-р Нурбахш основал ханаки в Вашингтоне, Бостоне, Лос-Анджелесе, Санта-Крузе, Сиэтле, Чикаго, Санта-Фе и Сан-Диего. По мере посвящения в братство учеников из других частей света были основаны ханаки в Австралии, Африке (Берег Слоновой Кости и Бенин), Канаде (Монреаль и Торонто), Франции (Париж и Лион), Германии, Испании, Швеции и Нидерландах, также была основана вторая английская ханака в Манчестере.

С расширением братства на Запад д-р Нурбахш ощутил необходимость в переводе своих трудов по суфизму на английский язык и начал систематическое издание книг для западного читателя. С этой целью в Америке и Англии были основаны англоязычные отделения издательства *Khanaqahi-Nimatullahi Publications*. Первая книга на английском языке, «Таверна среди руин. Семь эссе о суфизме», вышла в 1978 году, в нее вошли работы д-ра Нурбахша, знакомящие читателя с основными положениями суфизма и суфийского пути. В следующем году вышла книга «Рай суфиев», описывающая основные духовные практики братства ниматуллахи. С тех пор на английском языке издано около тридцати пяти книг д-ра Нурбахша, часть из которых опубликована также на французском, немецком, испанском, итальянском, голландском и русском языках.

Наблюдая неуклонный рост интереса к суфизму – и в Иране, и на Западе, д-р Нурбахш выступил с идеей основания международного центра по изучению суфизма во всех его аспектах – историческом, литературном, художественном, теоретическом и практическом. Желая целиком и полностью посвятить себя созданию такого центра, в 1977 г. он оставил пост заведующего кафедрой психиатрии Тегеранского университета и должность директора больницы Рузбеха. Вскоре после этого он приобрел большой участок земли в горах близ Караджа (небольшого городка в тридцати милях к западу от Тегерана), намереваясь построить здесь комплекс зданий для центра. Однако в Иране грянула революция, и политические потрясения не дали возможности д-ру Нурбахшу осуществить свои планы. Он покидает Иран, посчитав, что ему будет легче реализовать задуманное на Западе.

В течение десяти лет после отъезда из Ирана д-р Нурбахш жил в Лондонской ханаке. Он продолжал открывать новые ханаки и писал книги по суфизму. В начале 1990-х была приобретена ферма с земельным участком к северу от Лондона, в графстве Оксфордшир. Местечко называлось Old Windmill – Старая Ветряная Мельница. Именно здесь он основал Исследовательский центр ниматуллахи – тот самый, идею которого вынашивал почти двадцать лет.

Сердцем Исследовательского центра стала обширная библиотека, в которой собраны рукописи, книги, доклады и статьи о суфизме на разных языках, освещающие историю суфизма (от классического периода и по настоящее время), литературу (прозу и поэзию), музыку, изобразительное искусство, философию, теорию и особенно – практику. В 1989 г. в рамках Исследовательского центра ниматуллахи д-р Нурбахш основал журнал «Суфий», редактором которого стал его старший сын Алиреза Нурбахш. Журнал посвящен изучению мистицизма во всем его многообразии, вне зависимости от религиозной принадлежности, и выходит четыре раза в год. Со времени основания журнала вышло более сорока номеров, включающих статьи, рассказы и стихи таких известных ученых и писателей, как Аннемари Шimmel, Сейид Хуссейн Наср, Уильям Читтик, Герберт Мэйсон, Карл Эрнст, Хастон Смит, Роберт Блай и Р. Л. Трэверс и др.

Центром были организованы три международные конференции по суфизму, на которых д-р Нурбахш выступал в качестве главного докладчика. Первая конференция называлась «Наследие персидского суфизма средних веков» и проходила в течение трех дней в Лондоне в декабре 1990 г. Помимо Центра, ее спонсировала Школа востоковедения и африканистики

при Лондонском университете. В работе конференции приняли участие многие выдающиеся ученые, изучающие суфизм, из Великобритании, Франции, Германии, Голландии, Швейцарии и США⁵. Вторая конференция состоялась в Вашингтоне в мае 1992 г., она также длилась три дня. Помимо Центра, ее спонсировал Университет Джорджа Вашингтона. Тема конференции – персидский суфизм от своего зарождения до времени Руми – вновь привлекла многих ученых с трех континентов⁶. Третья конференция состоялась в 1997 г. в Лондоне и вновь спонсировалась, помимо Центра ниматуллахи, Школой востоковедения и африканистики при Лондонском университете.

Д-р Нурбахш живет на Старой Мельнице, руководя Исследовательским центром ниматуллахи и направляя его работу. Именно там было взято интервью, опубликованное в конце книги. Надеюсь, что оно вкуче с жизнеописанием детства и юности д-ра Нурбахша поможет составить портрет человека, который полностью посвятил себя служению Богу и который вот уже почти столетия возглавляет братство ниматуллахи⁷.

⁵ Полный список докладчиков и темы их выступлений можно найти в обзоре конференции, опубликованном в журнале «Суфий», выпуск 8.

⁶ Полный список докладчиков и темы их выступлений можно найти в 13 выпуске журнала «Суфий».

⁷ С момента написания данного вступления и до публикации русскоязычной версии книги прошло около 20 лет. За это время многое изменилось: были открыты новые ханакы, опубликованы новые номера журнала «Суфий». Д-р Джавад Нурбахш покинул этот мир 10 октября 2008 г. Мы решили оставить текст в том виде, как он был написан Джеффри Ротшильдом. Желаящие больше узнать о последних годах жизни д-ра Нурбахша, а также об истории братства ниматуллахи за пределами Ирана, могут обратиться к информации, опубликованной на официальных веб-сайтах ордена и в соответствующей литературе. – Примеч. ред. русск. изд.

1

Влечение к Богу

1626 год. Стало смеркаться, когда шах Аббас, правитель Персии, добрался со своей свитой до местечка Багин, находящегося недалеко от Кермана. Город Керман был конечной целью их путешествия, однако уже темнело, и шах приказал становиться на ночлег, а сам с несколькими приближенными отправился осмотреть окрестности.

Проскакав несколько миль, они увидели в отдалении небольшое сооружение, явно не мечеть, но похожее на духовную обитель. Заинтересовавшись, шах направился к ней, дав знак своим людям следовать за ним. Они постучали, и дервиш, одетый в коричневую шерстяную накидку, тепло приветствовал их. Шах Аббас сошел с коня и обратился к дервишу:

– Приветствую тебя, друг. Мы – смиренные странники, держим путь в Керман. У нас здесь нет знакомых, чтобы остановиться на ночлег. Не приютите ли нас?

– Ваше присутствие делает мне честь, кто бы вы ни были, – ответил дервиш, поклонившись. – Вы можете расположиться здесь и пробыть, сколько будет необходимо.

– А кто этот радушный хозяин, который проявляет такое гостеприимство к чужакам? И что это за место?

– Бог – хозяин всех вещей. Мое имя – шейх Камал ад-дин Нурбахш, а это – обитель Божья, пристанище для всех, кто приходит, что бы ни привело их сюда.

Не спросив их имен и не задав ни единого вопроса, шейх провел их внутрь и озаботился тем, чтобы гости поели и удобно устроились на ночь.

Когда шейх удалился в свою комнату и гости остались одни, шах Аббас обратился к одному из своих приближенных:

– Видишь, как этот человек приветил нас – без всяких расспросов о том, откуда мы и какой веры. Не ведая, кто я на самом деле, он обошелся с нами так, словно мы – цари. Вот истинный мусульманин!

И шах прошел в дальний угол комнаты, к столику, жестом показав своему собеседнику, чтобы тот следовал за ним. Здесь он сделал дарственную запись, по которой шейху отходили все окрестности с правом их использования для нужд ханаки. Скрепив документ печатью, он передал бумагу своему спутнику.

– Вот возьми и ночью положи бумагу под баранью шкуру шейха. Его доброта заслуживает ответной доброты. Ничего не говори ему, иначе он откажется принять дар.

1926 год. Хасан Нурбахш торопливо шагал по пыльным улочкам Кермана. Он устал, но радость придавала ему силы: Биби Ханум, жена его сына Асдуллы, родила мальчика, своего первенца. Теперь у него есть внук!

Проходя через базар, он заметил знакомого, который держал ковровую лавку.

– Скажи-ка, – крикнул он ему, – какой сегодня день? То есть число?

– Число? Десятое декабря, судя по всему. А что?

– Сегодня я стал дедушкой!

И он постарался запечатлеть в памяти эту дату – несомненно, благословенный день, как сказал он самому себе.

С самого рождения Джавад стал любимцем дедушки. Очарованный сияющими глазами мальчугана и его улыбкой, тот просиживал целые часы у его кровати. Когда Джавад стал постарше, дед обнаружил, что даже он не в состоянии дать ответ на многочисленные вопросы мальчика о жизни и мире, о том, как устроены вещи и почему они таковы, как они есть. Пусть

дед и был равнодушен к нему, однако всем было видно, что внук смыслен и проницателен не по годам.

Разумеется, Джаваду было присуще и озорство, которое прекрасно уживалось с его пытливостью и часто расстраивало его деда и родителей. К чему это могло привести – одному Богу ведомо. И всё же дед был уверен, что мальчику суждено что-то особое – несмотря на все сложности, которые создавала его пытливая натура.

У Биби Ханум как раз был готов кебаб, когда Асдулла вошел на кухню и сел за стол. По выражению его лица она поняла, что у него появилась какая-то идея, но опыт подсказывал ей, что лучше набраться терпения и подождать – он сам расскажет обо всем.

Несколько минут они молчали. Вскипел чай, Асдулла попросил ее сесть и произнес:

– Думаю, Джаваду самое время заняться изучением Корана.

Хотя изучение Корана входило в курс обучения большинства молодых людей, Ханум была захвачена врасплох – ведь Джавад был так мал.

– Впереди еще много времени, – сказала она, – ему ведь всего пять лет.

– Да, но он уже умеет читать. И что-то говорит мне, что ему пора начинать... даже если он и усвоит всего лишь малую толику.

Ханум хорошо знала: если уж муж решил, ему лучше не перечить, и неохотно согласилась.

Спустя девять месяцев, к удивлению своих родителей и знатока религии, который учил его, Джавад смог прочесть из Корана больше, чем они считали возможным для него. Он стал заниматься в группе со старшими детьми, которые изучали произведения Хафиза, величайшего персидского поэта. Хотя наставнику, который занимался с ними, не слишком нравилось, что Джавад постоянно задает трудные вопросы, тем не менее он отвечал на них, учитывая уровень знаний и понятливость мальчика.

– Извините меня, господин. Один из учителей шестого класса хочет поговорить с вами.

Секретарша директора начальной школы в Шахабе мялась в дверях кабинета с папкой в руках.

– Да-да, пусть заходит. А в чем дело? – спросил директор.

– Это связано с Джавадом Нурбахшем.

– Опять? – вздохнул он.

Она подошла и положила папку на его стол.

– Вот его дело. Я подумала, вы захотите посмотреть.

– Спасибо. Через несколько минут пригласите его учителя.

Секретарша кивнула и вышла. Дверь за ней еще не успела закрыться, а директор уже открыл папку и стал пролистывать ее, хотя он хорошо помнил все записи по прошлому разу. Джавад был зачислен в школу с шести лет. Три года подряд он был лучшим учеником в классе, выказывая отменную память и сообразительность.

В конце третьего года по рекомендации самого директора отец Джавада нанял частного учителя, чтобы за лето дать мальчику программу четвертого года обучения. Директор дал такой совет, поскольку видел высокую одаренность мальчика и не хотел, чтобы ему стало скучно на занятиях и он невольно оказался бы возмутителем спокойствия.

Но даже директор был поражен, когда Джавад сдал экзамены и набрал такие высокие баллы, что сразу перешагнул не год, а целых два, и в сентябре перешел в шестой класс.

В его деле значилось, что учителя Джавада неоднократно приходили к директору с жалобами на него. Мальчик непрестанно забрасывал их столь сложными вопросами, что им было трудно поверить, что такое может прийти в голову ребенку его возраста.

Директор снова вздохнул. Джаваду, конечно, было нелегко уже оттого, что он был самым младшим из всех учеников шестых классов. И директору не хотелось еще больше усложнять ему жизнь.

Следующий год обучения, седьмой, был для Джавада началом обучения в средней школе.

Средняя школа открывала для Джавада новый этап жизни, и не только в традиционном понимании. У него обнаружился литературный дар, который он начал развивать, сочиняя стихи – о них хорошо отзывались его наставники. Правда, для большинства из них он по-прежнему оставался загадкой и проблемой, сочетая высокую успеваемость и неподобающее поведение.

У немногих хватало проницательности верно оценить его задатки. Один из таких учителей писал: «Изнутри его распирает неумный, неистовый дух – вот отчего он столь беспокоен. Даже перешагнув ряд ступеней и заняв место среди старших по возрасту, он всё равно не удовлетворен и продолжает искать что-то еще. Что бы это ни было, Нурбахш никогда не удовольствуется своей жизнью и не успокоится, пока не найдет это».

– Джавад, ты еще не лег?

Асдулла знал, что сын по вечерам занимается и не любит, когда его отвлекают, но днем всё никак не находилось времени поговорить. Он вошел к сыну и, подвинув стул, сел.

– Ты ведь в этом году заканчиваешь школу, – заговорил он. – Самое время подумать, что делать дальше. Пора выбирать профессию и планировать свое будущее.

Джавад, ничего не ответив, опустил голову.

Отец продолжил, говоря, что Джаваду необходим стабильный заработок, чтобы твердо встать на ноги, и здесь лучше всего ему подошло бы место банковского служащего или чиновника в госучреждении.

Джавад всегда старался слушаться отца, но у него не было желания работать в банке или служить чиновником. Пока он учился в старших классах, у него появилась мечта: после окончания поступить в Тегеранский университет. Он знал, что это не обрадует отца, и поэтому помалкивал. Но теперь ему ничего не оставалось, как рассказать отцу о своей мечте.

Выслушав сына, Асдулла долго молчал прежде чем сказать:

– Думаю, ты делаешь большую ошибку. Да и с чего ты взял, что поступишь в университет, даже с твоими оценками? Ты ведь знаешь – желающие съезжаются со всех концов страны, а поступают единицы.

Джавад понимал, что дело обстояло именно так, но он намеревался всё лето посвятить подготовке к вступительным экзаменам. С литературой у него всё было в порядке, и он собирался налечь на естественные науки – чтобы получить по окончании школы два диплома. Тогда, – объяснил он отцу, – у него будет выбор между юридическим и медицинским факультетами, ему были интересны именно эти направления.

Асдулла был обескуражен услышанным и решил, что сын не иначе как свихнулся.

– Так ты говоришь, что думаешь не только поступать в университет, но и выбирать между юриспруденцией и медициной?

Джавад кивнул и пояснил, что пока не уверен, в какой из этих двух областей он бы хотел специализироваться. Затем он напомнил отцу, что поскольку ему нет восемнадцати (в то время брали на работу лишь по достижении восемнадцати лет), он не сможет получить работу, даже если бы и захотел.

Асдулла знал, что сын прав, и вздохнул:

– Будь что будет. Если ты и вправду сдашь вступительные экзамены, мы обсудим это вновь более серьезно.

Так случилось, что обстоятельства не позволили Джаваду сдавать вступительные экзамены в Тегеранский университет той же осенью, пришлось ждать следующего года. Зато теперь ему ничего не мешало с головой погрузиться в изучение литературы, которой он так увлекался в школе.

У отца Джавада, конечно же, были иные планы. В течение всего года он предлагал сыну различные варианты работы, найденные для него родственниками и друзьями, надеясь, что сын подберет себе занятие по душе. Но Джавад твердо решил во что бы то ни стало поступить в университет и, к огорчению отца, отклонял все предложения.

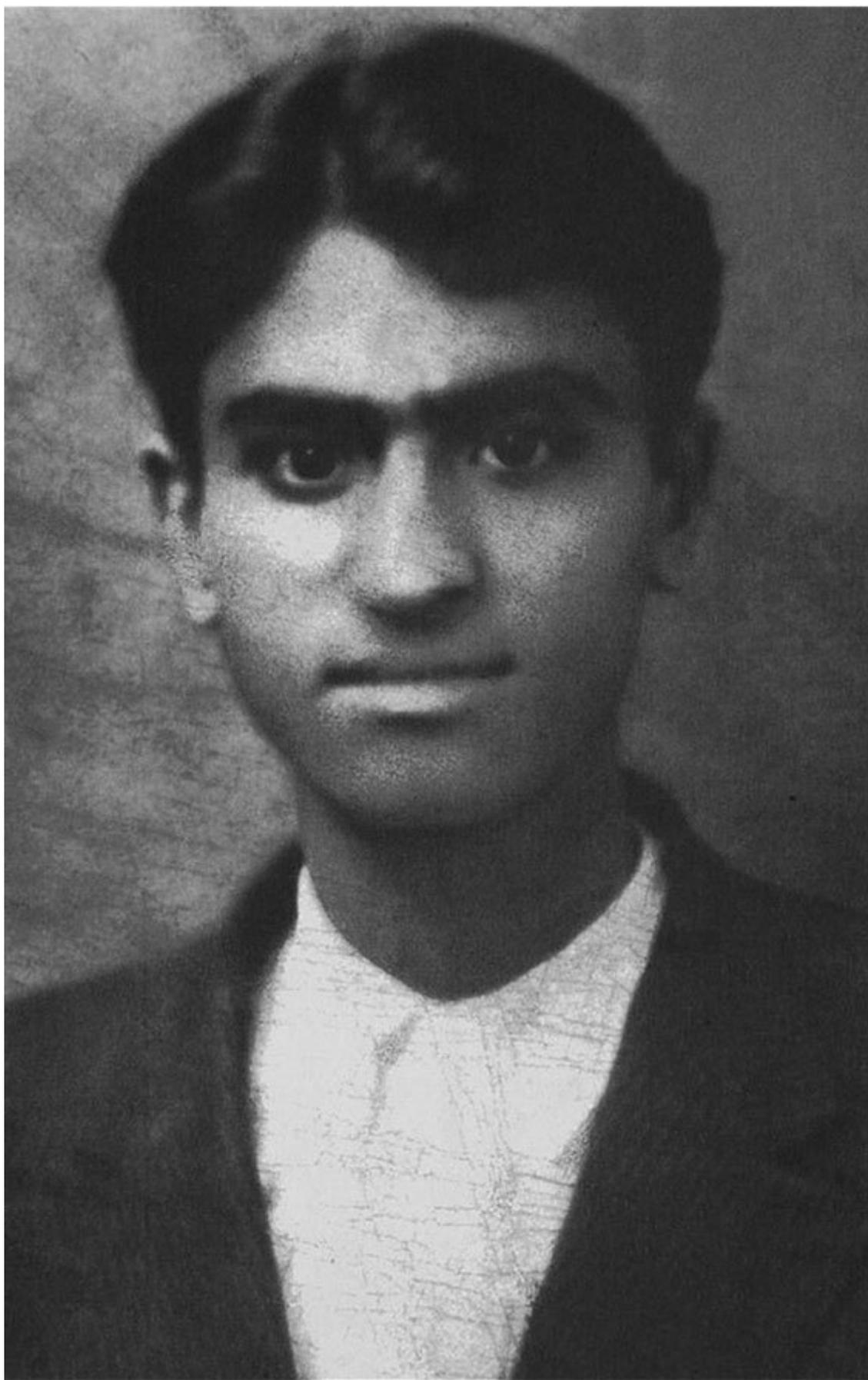
Впервые оказавшись в ситуации, когда он был волен следовать своим склонностям, Джавад открыл для себя произведения великих персидских поэтов-суфиев, интерес к которым возник у него при чтении Хафиза.

Вскоре он целиком погрузился в изучение суфизма, перед ним распахнулся огромный неизведанный мир. Особенно сильное воздействие на него оказало *Маснави* Руми, став своего рода катализатором, все глубже и глубже вовлекая его в поиски духовной Истины. Поглощенный чтением классических суфийских текстов, он скоро поймал себя на том, что непрерывно думает о поездке в ханаку одного из своих далеких предков, шейха Камал ад-Дина Нурбахша, известного суфия своего времени. В детстве он часто поздними вечерами слушал рассказы деда и отца об их предке и о ханаке, которую тот основал в Кермане три столетия назад; эти рассказы были полны восхищения духовной жизнью, которой тот себя посвятил. В конце концов, измученный своими грезами наяву, Джавад набрался духа и попросил у отца разрешения посетить ханаку.

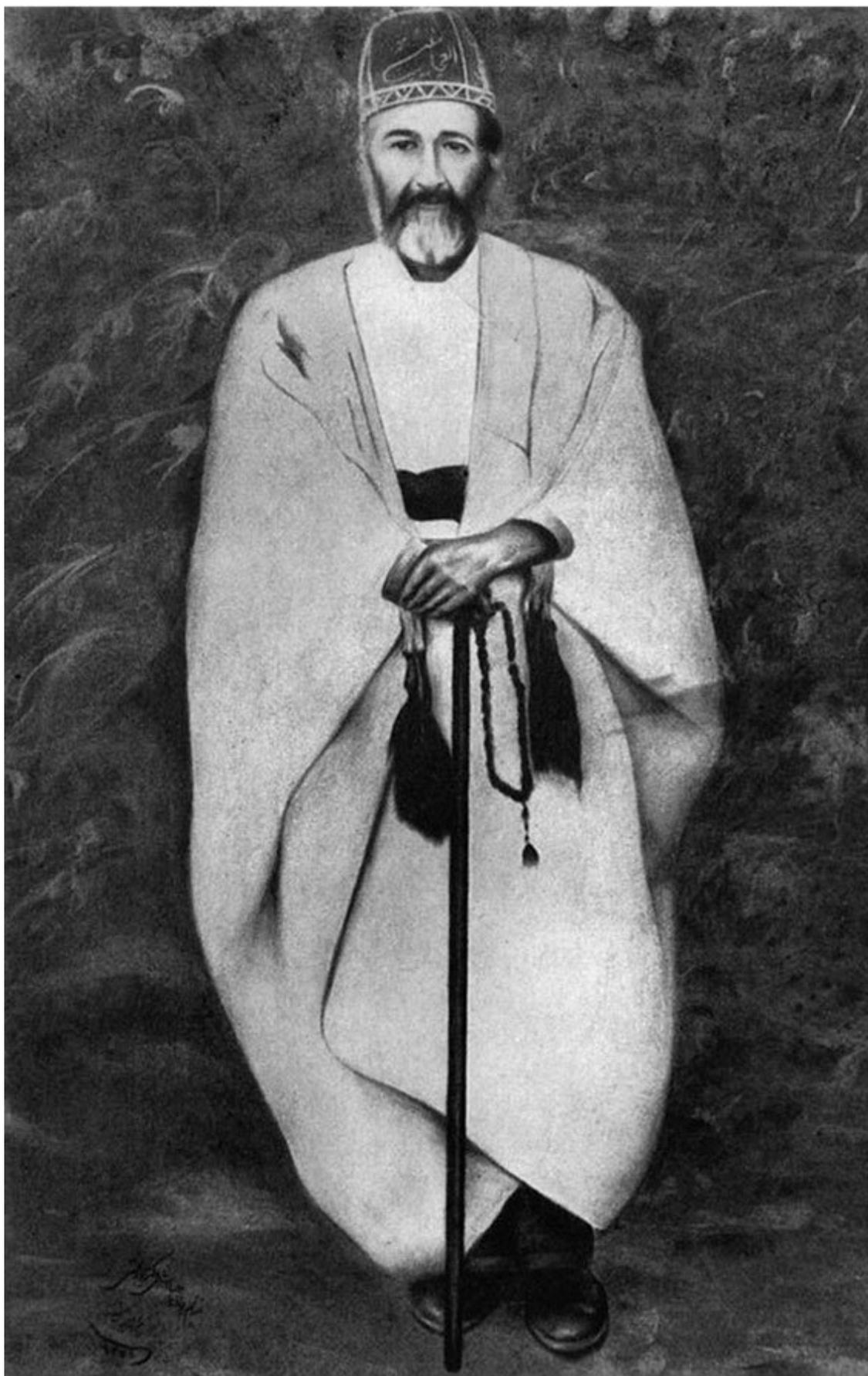
Отец Джавада, хоть и удивился этой просьбе, не видел препятствий для поездки сына. Правда, ему понадобилось немало времени, чтобы вспомнить точное местонахождение ханаки в Кермане и как до нее добраться.

Джавад прищурился на ярком солнце, пытаясь разобрать название улицы, на которую свернул. Ханака шейха Камал ад-Дина находилась в районе, который теперь назывался «старым городом», и он долго плутал по извилистым, многолюдным улочкам. Он уже не раз пускался в расспросы, но, увы, никто, похоже, понятия не имел об этой ханаке.

Он понял, почему никто ничего не знал о ханаке, лишь когда, наконец, нашел ее: там, где когда-то гостеприимно горел очаг духовной обители, остались лишь развалины и горы мусора. Джавад лазил среди развалин, пытаясь представить себе, как всё выглядело здесь триста лет назад. Его охватила странная тревога, и сердце заняло в груди.

Джавад Нурбахши в 18 лет

Г-н Моршеди, шейх из Кермана, который дал посвящение Дж. Нурбахшу в орден

Стоя среди развалин, он поклялся, что как только завершит образование и определится с работой, он восстановит ханаку из руин и вернет ее к жизни, чтобы почтить тем самым память шейха Камал ад-Дина Нурбахша.

После возвращения из ханаки в Джаваде произошла разительная перемена, творилось что-то странное, чего он не в силах был понять и чему не мог отыскать причину. Он лишь осознавал, что в душе его поселилась какая-то тревога, с которой он не мог совладать. Раньше он любил бывать на людях – теперь постоянно искал уединения. Лишь в одиночестве ему становилось легче. Каждый день он сидел в своей комнате и, бывало, часами размышлял о жизни и о Боге – больше его, казалось, ничто не занимало.

Родители и близкие Джавада заметили перемену в его поведении, однако лишь близкий друг его отца понял, что произошло. Много лет он был дервишем суфийского братства ниматуллахи. Неделя за неделей он наблюдал за странным поведением Джавада, но ничего не говорил, пока окончательно не уверился в том, что происходит с юношей: налицо были все признаки привлеченности того Богом.

Несколько дней спустя, придя в гости, он отвел Джавада в сторону:

– Надеюсь, ты не обидишься на меня, если я скажу, что ты сильно изменился за последнее время. Думаю, тебе следует поговорить с моим другом, г-ном Моршиди. Он – суфий и шейх братства ниматуллахи здесь в Кермане. Можешь ему сказать, что это я посоветовал тебе с ним повидаться.

Джавад не особенно верил, что этот г-н Моршиди как-то поможет ему, но он относился с почтением к давнему другу своего отца и решил, что ничего не потеряет от встречи с шейхом.

Сейид Моршиди сидел за столом в своей спальне, едва удерживая перо в руке – столь велики были его волнение и радость в сердце. Но ему не терпелось сообщить своему собрату-дервишу в Керманшахе о юноше, которому этим вечером он дал посвящение.

Со всей аккуратностью, на которую только был способен, он медленно вывел одно-единственное предложение: «Сегодня вечером молодой ученик по имени Джавад Нурбахш Кермани вступил в круг обитателей сердца – более никто не сможет пенять на недостаток воды».

После краткого раздумья он приписал еще строчку на арабском – цитату из Корана, сура 21, аят 30: «И сделали из воды всякую вещь живую»⁸.

После этого он поставил свою подпись.

⁸ Пер. И. Ю. Крачковского.

2

Путь

Мать Джавада всерьез встревожилась, заметив в сыне перемены, причина которых оставалась ей неведомой. Он и раньше казался самоуглубленным и отсутствующим, но теперь с ним происходило что-то более серьезное. Это ее беспокоило.

За последние недели его глаза, некогда светившиеся счастьем, покраснели и придавали ему диковатый вид. Под глазами пролегли черные круги: было очевидно, что спит он не много.

В конце концов, она начала проверять, спит ли ее сын ночью – и всякий раз убеждалась, что свет в комнате потушен, и значит, он уже лег. Однако по утрам он по-прежнему выглядел ничуть не отдохнувшим после сна. Она ничего не могла понять.

Наконец как-то ночью, заметив в его комнате свет, она заглянула за занавеску и увидела, что он сидит на полу, прижав колени к груди, погруженный в медитацию. И тут она поняла, что именно так он и проводит каждую ночь, и что этим вечером он просто забыл погасить свет.

Потрясенная своим открытием, мать Джавада вернулась в спальню и рассказала об этом мужу. Она упомянула и о том, что сын очень мало ест, перестал встречаться с друзьями и на долгие часы уединяется в своей комнате под предлогом занятий.

Утром отец отправился к своему другу – тому самому, который посоветовал Джаваду посетить шейха, и рассказал обо всем. Он спросил, является ли странное поведение Джавада следствием указаний шейха или, может быть, упражнений, которые тот выбрал для себя сам?

Услышав все это, друг отца явно напрягся. После продолжительного молчания он, похоже, пришел к какому-то решению. Наклонившись к Асдулле, он извинился и сказал, что не был полностью откровенен с ним.

– Ты знаешь, у меня есть небольшая постройка за городом, так что я почти каждый день езжу туда по делам. По пути я несколько раз замечал велосипед Джавада, оставленный у подножья одного из горных склонов.

Я не мог превозмочь свое любопытство и однажды решил подняться на гору. На самой вершине я нашел его. Он был один и рыдал, явно чем-то огорченный.

На следующий день, если ты помнишь, я сказал тебе, что твой сын, наверное, влюбился, и с этим нужно что-то делать.

– Я помню. Я тогда же спросил Джавада об этом – он начисто отрицал, что влюблен, и сказал, что не понимает, с чего это я завел об этом разговор.

– Да, ты говорил мне об этом и сказал, что веришь ему. Я тогда подумал, что если любовь тут ни при чем, то, должно быть, это духовная боль. И тогда, получив твое согласие, я посоветовал ему встретиться с г-ном Моршиди, шейхом братства ниматуллахи здесь, в Кермане.

Асдулла кивнул.

– И что же?

– Так вот, после их встречи Джавад стал часто навещать шейха. Скоро он начал переживать столь интенсивные духовные состояния, что они захватывали не только меня, но и шейха. Я по-прежнему видел его велосипед у подножья горы и, решив поговорить с ним, выяснил, что он каждый день поднимается на вершину – как Моисей на гору Синай – с сердцем, сжигаемым огнем, рыдая часами и не ведая о причине этой боли.

Вот почему, не сказав тебе, я дал знать обо всем этом шейху и спросил, не следует ли дать посвящение Джаваду. Слушая мой рассказ, шейх выглядел счастливым и сказал, что, едва увидев Джавада, он понял: тот вскоре примет посвящение.

Неделю спустя, отправившись к шейху, я неожиданно встретил Джавада и предложил ему присоединиться ко мне. Он охотно согласился. Мы остановились возле общественных бань,

где я всегда совершаю омовение перед тем, как идти к шейху, и я предложил Джаваду сделать то же самое. Он так и поступил. Затем мы двинулись к дому г-на Моршиди.

Мы поздоровались с шейхом, и я уже собирался присесть, когда шейх показал, что хочет остаться с Джавадом наедине. Я попрощался и отправился домой.

На следующий день я узнал, что во время той встречи Джавад получил посвящение. Поскольку оно прошло без обычных суфийских церемоний и даже без участия *пир-е далила*, который обычно провожает искателя в комнату шейха, мне стало любопытно, что же произошло. Увидев на следующий день Джавада, я поинтересовался, как все было. Он рассказал мне, что после моего ухода шейх спросил его: «Желает ли твое сердце вступить на путь к Богу, к Истине, и обрести единственное подлинное средство от твоей боли?» Джавад сразу же ответил «да», и шейх, будто зная о том, что Джавад только что совершил омовение и тем самым подготовлен, сказал, чтобы он преклонил колени, и посвятил его на Путь, передав *зикр*.

Выслушав этот рассказ, отец Джавада начал повторять слова «гора Синай» снова и снова. Наконец, он сказал:

– Странно это. Однажды Джавад сам рассказал мне о той самой горе, где ты его видел. Он хотел узнать, как она называется. Я об этом и понятия не имел, и в шутку ответил: «

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.